

ПРИГЛАШЕНИЕ НА БАЛ В ИСТОРИЧЕСКОМ МУЗЕЕ

ЗАМЕТКИ С ВЫСТАВКИ

Анастасия Тихонова

Старые вещи, помещенные в музей, интересны как символы другого времени, элементы, составлявшие иное пространство, наконец предметы, связанные с человеком прошлого, его судьбой, и успевшие приобрести собственную «легенду».

...Одна из выставок Смоленского исторического музея — «Приглашение на бал» — обращает к вещам из дворянского быта конца XVIII — первой половины XIX века.

Представления о балах первой половины XIX века у большинства связаны с образами Евгения Онегина, Татьяны Лариной, Наташи Ростовой, танцующей на своем первом балу, Николеньки из «Детства» Л. Н. Толстого, смущающегося от незнания новых па, незнакомки из романса А. К. Толстого «Средь шумного бала...».

Первые балы в России были устроены Петром I в 1717 году, а через два года последовал знаменитый указ об ассамблеях, куда вместе с мужьями приглашались и жены, что было новинкой. Атмосферу первых ассамблей непринужденной не назовешь. Современник сокрушался: «Дамы всегда сидят отдельно от мужчин, так что с ними не только нельзя разговаривать, но не удается почти сказать и слова; когда не танцуют, все сидят, как немые, и только смотрят друг на друга. А если танцуют, то будто повинность отбывают с каменными от напряжения лицами и плохо повинующимися ногами».

Прошел век. От прежней скованности участников балов не осталось и следа. Ведь детей в дворянских семьях обучали танцам с пяти-шести лет, бальному этикету учились на детских балах у танцмейстеров и на домашних балах, где детям с 12–13 лет позволялось приглашать взрослых.

Бал стал одной из основных составляющих дворянского быта. Он приобрел черты ритуала с правилами поведения и возможными «бальными вольностями».

В начале XIX века бал включал определенную череду танцев. Сначала шел полонез. Не случайно М. И. Глинка ввел в оперу «Иван Сусанин» замечательный полонез... Второй танец — вальс, «однообразный и безумный, как вихорь жизни молодой», который в пушкинское время танцевали не в три, а в два па. В чем же, скажет читатель, «безумие» вальса? В том, что танец воспринимался как излишне вольный. При исполнении его следовало соблюдать особую осторожность, чтобы танцующие не оказывались слишком близко друг к другу... Проблема разговора наедине и «вручения письма» была чрезвычайно актуальной, так как молодой человек обычно разговаривал с барышней лишь в присутствии маменьки или другой почтенной особы, которые должны были сопровождать ее и на приемах, и во время прогулок.

Остановимся у витрины с визитным платьем 1830-х годов. Оно выполнено из светлого шелка с муаровой выработкой (особым волнистым отливом) и чередующимися полосами тканого орнамента в виде мелких цветов. Платье имеет характерный для тогдашней моды мыс внизу лифа — шпиг. При модной длине рукава — «за локоть» — надевали кружевные подрукавники. Дама не выходила из дому без шали или плаща, в холодное время — без теплого капота (пальто), шляпы, перчаток и маленькой сумочки (ридикюля). Визиты вежливости в малознакомый дом не должны были продолжаться более 15 минут, при этом показателем воспитанности считалось умение вовремя уйти.

Молодой человек, решившийся приехать в дом к девушке, уже вос-

Лист из альбома «Танцы».
Цветная литография. Издательство
Тьерри-Феререс. Париж. Середина XIX в.

принимался как жених. Появляться вместе с кавалером в обществе девушке считалось приличным только после помолвки.

Поговорить на балу молодые люди могли и без слов, с использованием веера.

На выставке представлен замечательный французский веер первой половины XIX века, при изготовлении которого использовано пальмовое дерево, шелк, бумага, страусовые перья. Веер украшен росписью темперой, резьбой, блестками и даже крошечным овальным зеркальцем. Несомненно, этот богатый веер держала в руках замужняя дама, которой мода предписывала иметь на балу платье ярких тонов, а веер с кружевами или страусовыми перьями.

Еще в конце XVIII века существовал особый термин — «махаться», то есть «говорить» веером. Существовал и «язык» веера, который «читался» по перемене его положения, движению руки и количеству открывшихся или мгновенно закрывшихся листиков. «Я замужем», — говорил, отмахиваясь, развернутый веер; «вы мне безразличны», — разочаровывал он, закрываясь; «будьте довольны моей дружбой», — открывается один листик, «вы — мой кумир», — признавался полностью открытый веер.

Чтобы выразить отказ, следовало приложить веер правой рукой к левой щеке, а чтобы, напротив, ответить «да», — приложить веер левой рукой к правой щеке.

В начале XIX века веер носили на левой руке на шнурке, ленте или цепочке, позже стали прикреплять к поясу. Девушкам полагалось иметь скромные белые веера из слоновой кости, так как их платье было обычно белым, реже нежно-голубым или розовым.

На балу лишь замужним дамам приличесствовало носить фамильные драгоценности. На выставке представлены ювелирные украшения конца XVIII — начала XIX века, среди них изящный кулон-музыкальная шкатулка, до сих пор исполняющая нежную мелодию в духе «Ах, мой милый Августин...».

Первый «выход в свет» юной особы обычно происходил в 16–17 лет. Московские и петербургские балы слыли главными «ярмарками невест». Обычно девушка на балу имела маленький букетик цветов, в котором подбиралась не только цветовая гамма, но и названия цветов в букете нередко составляли зашифрованное имя или понятие... Если букетик не был приколот к платью, и девушка держала его в руках, то, отвечая на приглашение к танцу, оставляла его на стульчике.

Прежде чем пригласить (ангажировать) на танец, молодой человек должен был представиться. Представлял молодых людей друг другу по просьбе кавалера хозяин дома или его сын. Молодой человек, подойдя к барышне, с легким поклоном интересовался: «Который вальс (мазурку и т. д.) буду я надеяться иметь честь танцевать с Вами...». В ответ девушка открывала агенду — книжечку с запи-

сками танцев и вписывала туда кавалера, отвечая, который танец у нее свободный. Отказывать кавалеру, если танец не занят, считалось дурным тоном. Барышне следовало быть внимательной и не назначить кавалеров больше, чем танцев, иначе два кавалера одновременно подойдут к ней. Как же тогда следовало поступить? Правила хорошего тона рекомендовали отказаться от этого танца под предлогом усталости и желания отдохнуть.

Кульминацией бала становилась мазурка. Ее легко танцевал Онегин, хотя внешне проявлял разочарование в танцах. В начале XIX века в моде был дендизм, молодые дворяне публично демонстрировали «сплин» — скуку, хандру.

Евгений Онегин никогда не состоял на военной службе, а значит, не носил военного мундира. Он мог явиться на бал во фраке, оставив швейцару свой цилиндр. Фраки в пушкинское время были разных расцветок — зеленые, фиолетовые, синие... Черный цвет фрака стал моден позднее, в середине XIX века. Добавлялся еще белый бальный жилет, рубашка с жабо и галстук, повязанный бантом в стиле Вальтер Скотта.

Офицеру-дворянину полагалось быть на балу в парадном мундире. Прибыв на бал, военный обязан был оставить шпагу швейцару, если намеревался танцевать.

Многие либералы 1820-х годов предпочитали на балу не танцевать: «Мы являлись на балы не снимая шпаг — нам было неприлично танцевать и некогда заниматься дамами», — сообщал один из пушкинских героев другу.

Достойное место среди экспонатов выставки заняла шпага начала XIX века, принадлежавшая Евгению Андреевичу Реаду. Его прадед приехал в Россию из Англии и в 1716 году поступил на русскую службу. Евгений Реад вместе с двумя братьями участвовал в Бородинском сражении, в заграничном походе русской армии, был удостоен орденов св. Георгия 4-й степени и св. Анны 4-й степени. За сражение при взятии Парижа награжден орденом св. Владимира 4-й степени. В русско-турецкую войну 1828 года флигель-адъютант Е. А. Реад сопровождал императора Николая I в его поездке по театру военных действий, и в сражении при Шумле 8 июля 1828 года погиб: он «был срезан пополам турецким ядром» в момент, когда отдавал приказание, — вспоминал очевидец боя. Ординарец сохранил его личные вещи и привез их родным. В 1889 году муж последней представительницы рода Реадов в России Софьи Яковлевны — Александр Платонович Энгельгардт — после ее кончины передал реликвии рода Реадов в дар Смоленскому городскому историко-археологическому музею. Сын и внуки Марии Григорьевны Энгельгардт в начале XX века подарили ее свадебное платье Историко-этнографическому музею княгини М. К. Тенишевой.

Платье из газа-дымки датируется 1820 годами. В нем Мария Григорьевна венчалась с генералом Федором Евстафьевичем фон дер Рааб-Тиленом.

Подруга М. Г. Энгельгардт М. С. Николаева вспоминала, как на одном из домашних балов Мария Григорьевна, одетая в сарафан и кокошник, плясала со своим кузенком русскую (обычно ее по традиции исполняли в конце домашнего бала). «Они оба плясали очень хорошо; когда же она, будто убегая от преследующего ее молодца, вскочила на небольшую колонну, грозя ему пальцем, это было так живописно-мило, что сама суровая бабка вскочила с кресла и стала на одном месте поводить плечами, притопывать и делать жесты, затем упала снова в кресло и заплакала». Этот реальный эпизод перекликается с толстовским описанием Наташи Ростовской, танцующей «по-крестьянски»...

Семья Энгельгардт была в родстве с генерал-майором Петром Петровичем Пассеком (умер в апреле 1825 года), состоявшим в «Союзе благоденствия». Их имения в Ельнинском уезде находились по соседству.

Матери М. Г. Энгельгардт Елизавете Федоровне, урожденной Пассек, принадлежали находящиеся на выставке чепцы из тюля и блонд (тонкого кружева ручной работы), а также ридикюль — шелковая сумочка, украшенная вышивкой на античный сюжет. Этот ридикюль имеет традиционный фасон мешочка на сдержке. Загоскин в 1830-х годах так описывал содержимое дамского ридикюля: «...Во-первых, белый батистовый платок; на одном углу вышиты... французские буквы... Что далее? Желтая атласная ленточка... черепаховая бонбоньерка с мятными лепешечками... хрустальный флакончик со спиртом... уксус четырех разбойников» (модная тогда марка туалетного уксуса).

И «бесконечный котильон ее томил, как тяжкий сон», — пишет Пушкин об Ольге, потерявшей среди танцующих Ленского. Он уже покинул дом Лариных, приняв роковое для себя решение. Котильон — бальный танец французского происхождения, соединявший в себе вальс, мазурку и польку. Это танец-игра. «...Там делают и крест, и круг, и сажает даму, с торжеством приводя к ней кавалеров, дабы избрала, с кем захочет танцевать, ...и на колена становятся перед нею; но чтобы отблагодарить себя взаимно, садятся и мужчины, дабы избрать себе дам, какая понравится <...> Затем следуют фигуры с шутками, подавание карт, узелков, сделанных из платков, обманывание или отскакивание в танце от другого, перепрыгивание через платок высоко...» (ц. по Ю. М. Лотман. Беседы о русской культуре. Спб., 1988). Бальные туфельки из атласа под цвет платья — баретки, хранящиеся теперь в музее, приводят в изумление: какой узенькой и маленькой была женская ножка, которой они приходились в пору!

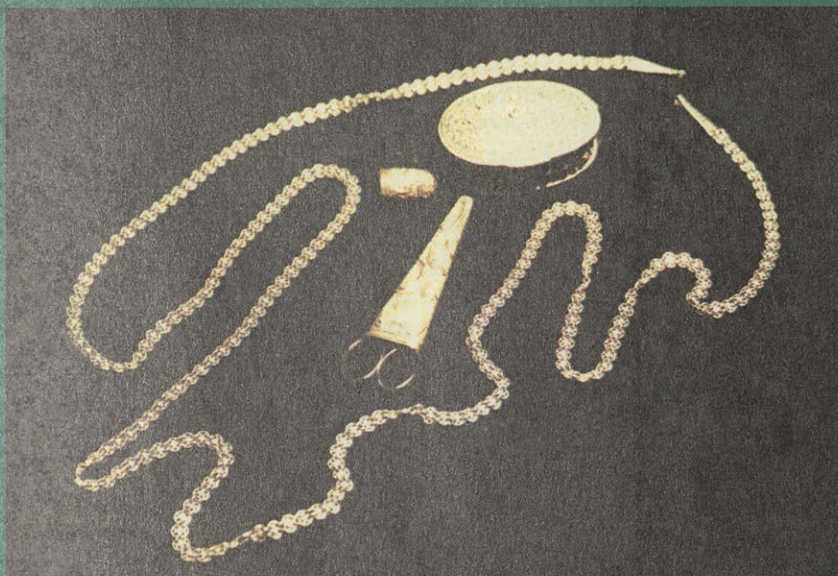
Бал — это, прежде всего, возможность для девушки встретить жениха. «Пора, пора уж замуж ей», — пишет Пушкин о 17-летней Татьяне Лариной. Старик Н. Вяземский, уговаривая сына не жениться на красавице Александрине Корсаковой, сетовал: «Старая девка, привередница каких мало...», а ей было — чуть больше двадцати...

На мраморном столе в стиле ампир — красивые бронзовые часы. На подставке — изображение сопровождаемой амурами юной пары, идущей к алтарю. Рядом с алтарем — фигура юноши с факелом и венком в руках. Это — бог брака Гименей. По бокам от циферблата часов — скульптуры амура и девушки. Это в свадебном наряде. Часы изготовлены в Западной Европе в 1824 году. Это — свадебный подарок, который князь Голицын сделал своей дочери в день ее бракосочетания.

Князь Голицын в начале XIX века владел имениями в Гжатском уезде в селах Пречистое и Самуйлово. В Пречистом и сейчас сохранилась каменная церковь Успения (1807) в стиле классицизма, построенная по заказу князя Д. М. Голицына, а в Самуйлово находится дворец, сооруженный в классическом стиле (1799–1800) по проекту архитектора Тома де Томона. Сам дворец и его убранство поразили маршала Нея, побывавшего здесь в 1812 году. На стене в одной из комнат дворца Нея оставил надпись карандашом. Перевод надписи: «Это здание представляет настолько художественное, во всех отношениях, архитектурное произведение, что истребление его огнем не должно считаться делом рук французской армии». Видимо, благодаря этой надписи имение и дворец остались не тронутыми французскими солдатами. Один из владельцев Самуйлова пытался даже сохранить эту надпись, сделав для нее золоченую раму.

Из другого имения — Овиновщины Дорогобужского уезда — акварельный портрет молодой женщины в окружении детей. Веркмайстер изобразил Екатерину Петровну Урусову, урожденную Энгельгардт (1817–1902). Она приходилась троюродной сестрой владелице подвечного платья Марии Григорьевне Энгельгардт. Муж ее, князь Михаил Александрович Урусов (1802–1883) дослужился до генерал-лейтенанта и сенатора. Его семья была дружна с А. С. Пушкиным. Сестре Михаила Александровича, петербургской красавице Софи Урусовой, поэт посвятил известный мадригал «Не веровал я Троице донныне...» (1826). К ней обращалась, десятью годами позднее, Екатерина Петровна Энгельгардт, сообщая о предстоящей свадьбе, в соответствии с этикетом:

«Милостивая княгиня! Я призвана Провидением войти в семью столь же благородную, сколь уважаемую. Позвольте просить Вас, одного из ее главных членов, о благосклонности к моей юности, моей неопытности и моим добрым намерениям. Предчувствие

Предметы дворянского быта и туалета

Цепь. 1806 г. Великий Устюг

Ножницы в футляре. Наперсток.

Туалетная коробочка

Начало XIX в. Западная Европа

Литая позолоченная цепь выполнена из серебра. По золоченому полю металлического чехла для ножниц выполнена гравировка

Маркиза и маркиз. 1839–1862 гг.

Парные фарфоровые фигурки. Выполнены на фабрике Миклашевского

Веер. 1-я половина XIX в. Франция

Выполнен из пальмового дерева, страусиных перьев, шелка и бумаги. Его декоративность подчеркнута ажурной резьбой, темперными росписями и акцентирована блестками

подсказывает мне счастье, но я чувствую, что в нем будет чего-то недоставать, если, разделяя привязанность, которую испытывает к Вам Ваш брат, я останусь в стороне.

Соблаговолите позволить мне надеяться, что, посвящая свою жизнь исполнению собственных желаний, я заслужу Ваше одобрение, которое столь ценю. Примите, прошу Вас, госпожа княгиня, уверение в моей почтительной преданности, с которой имею честь оставаться. Преданная Вам Екатерина Энгельгардт».

(Перевод с французского выполнен Г. Н. Ермоленко.)

Из детей Е. П. Урусовой всех переживет младший Федор, который, будучи генерал-лейтенантом в отставке, 75-летним стариком погибнет в 1918 году в Пятигорске во время массовой казни, устроенной большевиками.

«С холма господский видит дом, Селенье, роуц под холмом...».

Владелец имения создавал собственный мир, отвечавший его эстетическим вкусам и увлечениям, будь то чтение, музыка, охота, театр, коллекционирование. Усадьба требовала знания хозяйства, налаживания взаимоотношений с соседями, с церковным причтом, с крестьянством...

Дом возводился на склоне так, чтобы, с одной стороны, по ровной местности к нему вел подъезд с липовой аллеей, с другой — открывался красивый вид на пруд или озеро. Дворянский дом начала XIX века строился в стиле классицизма, он был украшен портиком и колоннами.

Основные комнаты в доме — гостиная, кабинет, спальня и зала, однако даже среднепоместный помещик обычно имел дом в 10–13 комнат. На зарисовке начала XIX века изображен кабинет дворянина с характерной мебелью прямоугольной формы, полосатой обивкой, множеством цветов. Над диваном — семейные портреты.

В качестве украшений часто использовались фарфоровые вазы и скульптуры. Грациозные фигурки маркиза и маркизы фабрики А. М. Миклашевского оживляли интерьер одной из дворянских усадеб Смоленщины. Фабрика помещика Андрея Михайловича Миклашевского в селе Волокитин Глуховского уезда Черниговской губернии была основана в 1839 году. Расцвет фабрики пришелся на середину XIX века. Изделия фабрики Миклашевского имели заслуженный успех у современников.

Парадные комнаты в дворянском доме обычно шли анфиладой — помещения примыкали друг другу, а их дверные проемы находились на одной оси. При расположении комнат анфиладой, возможно, были сильные сквозняки, и для защиты от них ставили ширмы.

Уездная барышня «с печальной думою в очах, с французской книжкой в руках» — в пушкинскую эпоху явление обычное. Во многих домах смоленских дворян к началу

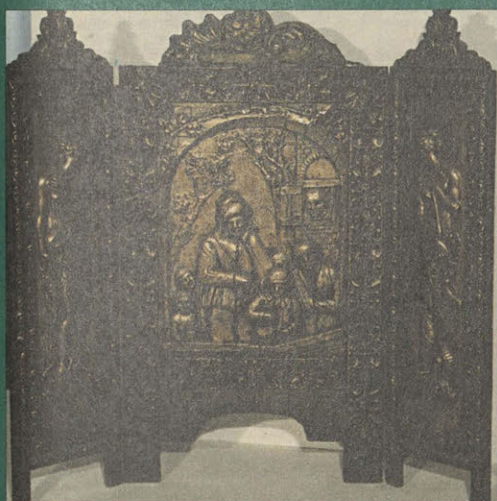
XIX века имеются солидные библиотеки, которые продолжали пополнять новые поколения владельцев. В 1918 году музейные эмиссары, пытаясь спасти культурные ценности смоленских усадеб, отметили наличие усадебных библиотек в 5–7 тысяч томов русских и иностранных авторов... Посетителей выставки неизменно привлекает крошечный англо-французский словарь, отпечатанный в Лондоне в 1831 году, он имеет футляр с увеличительным стеклом, без которого чтение словаря невозможно... Домашнее дворянское образование «онегинской поры» предполагало, главным образом, знание французского, немецкого языков, словесности, истории, основ наук, танцев, рисования, этикета. Мальчиков обязательно обучали фехтованию и верховой езде, девочек — рукоделию, пению, игре на клавинообразных или на арфе.

Выставку украшает старинная арфа, изготовленная в Париже в 1800 году и хранившаяся в имении М. И. Глинки в Новоспаском. Арфа — сложный инструмент, пальцы музыканта должны управлять 47 струнами, а ноги — 7 педалями. Зная об этом, можно оценить уверенность во взгляде и грациозность осанки воспитанницы Смольного института Алымовой на известном портрете Д. Г. Левицкого.

С 1810-х годов в России вошло в моду вышивание бисером, превратившееся в любимое занятие, как юных барышень, так и матерей семейства. Бисер был, в отличие от современного, очень мелким, а потому требовал повышенной внимательности и аккуратности. Каждая бисеринка на канву нанизывалась отдельно, при передаче света и тени нужно было не перепутать цвета.

Смоленский музей обладает коллекцией вышивок бисером из дворянских усадеб разных эпох. По сюжетам вышивок их можно датировать: в 1810–1820-е годы преобладал восточный стиль с богатыми орнаментами, изображениями пляшущих фигурок в восточных костюмах, беседок в окружении экзотической растительности, в 1830–1840-е годы в моде был романтизм, а потому любимыми сюжетами становятся пасторали, изображения средневековых замков, сцен любовных свиданий. Согласно правилам хорошего тона дворянке предписывалось быть рукодельницей.

Увлечение Востоком в начале XIX века было, видимо, своеобразным откликом на русско-турецкие войны второй половины XVIII века и египетский поход Наполеона. Восточный стиль принес с собой изменения в интерьере, в одежде, увлечениях. Так, помещики стали носить дома восточные халаты с вертикальными разноцветными полосами — архалуки (производное от турецкого слова arka — спина). Художник О. Кипренский на своем известном автопортрете изображен как

Чайный сервиз из 4-х предметов. Конец XIX в.
Россия. Императорский завод
Щипцы для сахара. XIX в. Россия
Щипцы для лакомств. XIX в. Западная Европа
Ваза для фруктов. Рубеж XVIII–XIX вв.

Экран для камина. XIX в. Западная Европа
Изготовлен из металлических пластин, укрепленных
на деревянном основании

Платье визитное. Середина XIX в.

Портрет полковника В. Энгельгардта
1820 г. А. Федотов

раз в нем. На ногах часто красовались восточные туфли с загнутыми мысами и без пяток, а на голове — феска или ермолка, шапочка из красного фетра или шерсти в виде усеченного конуса, украшенная кисточкой.

На выставке находятся и трубки с бисерными чубуками — полыми деревянными стержнями. Курение табака в 1820-х годах вошло в моду, и в домах дворян появились специальные курительные или восточные комнаты с персидскими коврами на полу и по стенам и коллекцией оружия. Курительные трубки и кальяны (особые приборы для курения табака с очищением дыма через воду) хранили в специальных деревянных подставках.

Дворянский быт пушкинской эпохи невозможно представить без карточной игры. Раскладные столики для карточной игры, обтянутые зеленым сукном, были атрибутом едва ли не каждого дворянского дома. По названию старинной карточной игры для трех игроков — ломбер, столик называли ломберным. На зеленом сукне стола игроки мелом записывали ставки и вели расчет долгов. Перед каждым игроком (понтером) во время игры лежали мелок, щеточка и поставленные на кон деньги. Расплачиваться нужно было тут же, на месте, хотя можно было играть в долг — «на мелок».

Карточные игры четко делились на «коммерческие» и азартные. Коммерческая игра — прежде всего форма приятного семейного времяпрепровождения. Играли на незначительные суммы, лишь для того, чтобы подогреть интерес к игре. В коммерческой игре важно знать правила и стараться рассчитывать ходы наперед. Азартные игры — это «поединок с судьбой». Игрок загадывал карту и, вытащив ее из новой колоды, выкладывал на стол, а сверху — деньги, которые ставил на кон. Затем банкомет особым движением левой руки распечатывал другую колоду карт и прокидывал ее, разбрасывая карты поочередно налево и направо.

Если загаданная карта оказывалась слева от банкмета, понтера ждал выигрыш, если же справа — он проигрывал. Чтобы избежать шулерства, колоды карт в азартной игре использовали лишь один раз: после прокидки карты сбрасывали на пол и брали новую колоду. Карты, оставшиеся на полу после ночи игры, собирали слуги, вновь раскладывали по колодам и продавали мещанам для игры в «дурачка». Доставались слугам и деньги, случайно упавшие со стола, потому как поднимать их игрокам считалось неприличным.

Только в 1836 году было выпущено в продажу более 165 тысяч дюжин карточных колод. На выставке показаны серебряные фишки и футляр для карт, выполненные в конце XVIII века в технике скани. Фишки для карточной игры — «пуаны» — исполь-

зовались как условные единицы, перед началом игры понтеры договаривались о стоимости каждой фишки и после игры вели окончательный расчет.

Правительство запрещало азартные карточные игры. За их организацию грозило заточение в крепость или этапирование в Сибирь. Но ничто не останавливало организаторов и игроков.

Смоленский дворянин, отставной лейтенант флота Григорий Григорьевич Энгельгардт — родной брат Марии Григорьевны, владелицы вышеописанного подвенечного платья, открыл в губернском городе азартную карточную игру, за что был осужден в 1846 году на полугодовичное тюремное заключение, затем должен был избрать для себя либо ссылку в Олонецкую губернию, либо службу матросом во флоте. Он избрал второе, и в январе 1847 года был принят матросом в Черноморский флот. Службу окончил мичманом в 1855 году.

Для первой четверти XIX века к мелкопоместному дворянству относились владельцы до ста душ, к среднепоместному — до тысячи, к крупнопоместному — начиная с тысячи крепостных мужского пола. Количество крепостных определяло, прежде всего, имущественное положение дворянина, а также во многом его вес в обществе.

Стоимость имения и крепостных душ оценивали как в серебре, так и в ассигнациях. По манифесту от 20 июня 1810 года один серебряный рубль приравнивался к четырем ассигнационным рублям. Государственный заемный банк для дворян и городов принимал под залог земли и крепостных, полагая на душу 40 рублей ассигнациями. История о продаже крепостного Тараса Шевченко в 1838 году за колоссальную сумму в 2500 рублей ассигнациями получила широкую огласку. Ведь это был средний годовой доход имения с домом, садом и 30 крепостными мужского пола! Владельцем Шевченко был один из смоленских Энгельгардтов — Павел Васильевич (1798–1849), внучатый племянник светлейшего князя Г. А. Потемкина-Таврического.

Парадный поясной портрет родного брата П. В. Энгельгардта — полковника Андрея Васильевича Энгельгардта выполнен в 1820 году провинциальным художником А. Федотовым. Атрибуция была дана в 1992 году научным сотрудником Смоленской художественной галереи В. Ф. Платоновой.

Начал службу Андрей Энгельгардт в 1802 году в Санкт-Петербургском драгунском полку, а через два года, по личной просьбе свойственника (мужа двоюродной сестры) генерала Петра Ивановича Багратиона, был переведен в гвардейский егерский батальон. «Во все время службы, — вспоминал А. В. Энгельгардт, — жил в доме князя Багратиона, который меня, по

Ломберный столик.
XIX в. Россия.

Предметы мужского туалета:
Деревянная курительная трубка
с металлической отделкой. XIX в.

Бархатная ермолка,
обшитая шелком и вышитая
золотой нитью
XIX в. Смоленская губерния

Канделябр. XIX в. Россия
Бронзовый литой предмет
на мраморной основе

Портрет неизвестного с книгой.
1-я половина XIX в. *Митур*

способностям моим и познаниям, проворству, а равно по шалостям и протчим дерзким поступкам сколько любил, столько и ненавидел: я был им четыре раза арестован, как за причиненную дерзость, а равно за проказы моей молодости и имел две интриги, из которых по одной чуть не должен был жениться».

Свои приключения на службе и любовные похождения во время Ганноверского похода 1805–1806 годов и Прусской кампании 1807 года Энгельгардт описал в «Памятных заметках русского офицера», опубликованных без указания имени автора в «Русском архиве» в 1895 году.

В сражении 24 мая 1807 года Андрей Энгельгардт был тяжело ранен в ногу. Несмотря на боль, он сумел добраться до селения Лаунау и поднять караул против французов. Ранение вызвало гангрену или, как тогда называли, «Антонов огонь». Раненую ногу пришлось ампутировать, но двадцатисемилетний офицер не пожелал оставить службу, он вышел в отставку только в 1814 году. Во время Бородинского боя как старший адъютант П. И. Багратиона «посылаем был в самые опаснейшие места... приказаниями и развозил оные с отличными мужеством и быстротою». После смерти Багратиона состоял при генерале П. И. Коновницыне. Во время заграничного похода был офицером по особым поручениям при М. В. Барклае-де-Толли.

Выйдя в отставку, А. В. Энгельгардт жил с семьей в Смоленске. Из-за своего резкого нрава и «обостренного чувства справедливости» Андрей Васильевич не раз вступал в тяжбы с местными помещиками. В 1822 году, защищая честь жены, он предложил дворянам-обидчикам на выбор — дуэль или наказание розгами, и те избрали последнее. Разбирательство этого дела дошло до государя. По Высочайшему повелению Энгельгардт был подвергнут домашнему аресту, а затем негласному надзору полиции. Андрей

Васильевич посчитал необходимым объяснить свой поступок главнокомандующему 1-й армией генералу от инфантерии Ф. В. фон дер Остен-Сакену, и 11 февраля 1822 года Энгельгардт писал: «Сиятельный Граф! Каждый благомыслящий смертный приемлет правила, его положению свойственные. Военный должен лучше погибнуть, нежели уступить с бесчестьем...». Потому обязан был спасти от «посрамления» честь — «спасительницы жизни моей, жены — Друга», не видя возможности найти правду в суде. Потомственный дворянин, офицер Энгельгардт предложил дуэль, а предпочтение было отдано порке розгами — наказанию, достойному крепостных.

Здесь можно вспомнить случай, рассказанный графом В. А. Соллогубом: хвастовство дворянина Х. о своих любовных успехах привело к вызову его на дуэль, так как задевалась честь конкретного лица. Дуэль состоялась, Х. был серьезно ранен, а в беседе наедине сознался, что в его похвальбе «не было ни слова правды!».

Умер Андрей Васильевич Энгельгардт в Смоленске в феврале 1834 года. Некоторые книги из его библиотеки, имеющие его личную печать, волею судьбы попали в Смоленскую областную универсальную библиотеку. Среди них — «Детский атлас о Азии, с толкованием гербов и с родословием некоторых царствующих домов, собранный... Генрихом Дильтеем» (М., 1777), «История шведского государства» О. Далина (СПб., 1807), том «Истории Российской от древнейших времен» князя Н. М. Щербатова (СПб., 1770)...

Память о людях, их мировидении, вкусах, характерах сохраняют вещи, им принадлежавшие. Старинные часы, портрет, шаль, платье, книга несут в себе аромат своей эпохи, а помещенные в исторический контекст — «оживают». Человеческие поступки, сопряженные с чувством достоинства и ответственности, всегда будут привлекательными и жизненно важными.

Портрет Софьи Александровны Волярярской. 1840-е годы. Виаль (?).

Волярярские — старинный дворянский род, владельцы усадьбами Рай и Волярово в Смоленской губернии. Самый известный представитель рода — популярный в XIX в. беллетрист В. А. Волярярский